

Г.В. Хадеева

Елабужский институт Казанского федерального университета

Психологизм романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»

Литература всегда находилась в поле зрения читателей, ученых и критиков. Возрастает интерес к исследованиям, ориентированным на комплексный подход к литературоведческому анализу художественного произведения. И в настоящее время «...художественный текст продолжает оставаться в некотором роде «загадочной сущностью» [1, с. 3].

Цель данной статьи – выявление психологических тенденций в произведении английской писательницы Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Психологизм – это важное свойство литературы, позволяющее глубже понять человеческую душу, вникнуть в смысл поступков. В широком смысле под термином «психологизм» понимается общее свойство литературы и искусства воссоздавать человеческую жизнь и характеры. При таком подходе психологизм свойственен любому литературному произведению. В узком смысле под «психологизмом» понимается особое свойство, которое может быть характерным лишь для отдельных произведений. С такой позиции психологизм является особым приемом, формой, позволяющей ярко изобразить душевные переживания персонажей. Психологизмом можно считать определенную художественную форму, в которой выражается художественный смысл, идейно-эмоциональное содержание».

Наличие или, наоборот, отсутствие в литературном произведении психологизма в узком понимании не будет являться достоинством или недостатком произведения, – это лишь его особенность, обусловленная идеей произведения, его содержанием и тематикой, а также авторским осмыслением характеров. Психологизм, когда он присутствует в произведении, является организующим стилевым принципом и определяет художественное своеобразие произведения [2, с. 78].

Большое значение при создании психологизма имеет повествовательно-композиционная форма. Повествование от первого лица сосредоточено на рефлексии главной героини Джейн, психологической самооценке и психологическом самоанализе, что и является основной целью произведения.

Все связанное в романе с изображением рождения и развития огромного чувства Джейн и Рочестера друг к другу, а так же крушение надежд на осуществление союза героини с любимым, обладает большим эмоциональным потенциалом и глубоким психологизмом.

То, что привлекло мистера Рочестера к Джейн – это не ее внешность, но та откровенность и честность суждений, ее здравый смысл и реальный взгляд на вещи, убежденность в том, что он не сможет сделать ее жизнь счастливой из-за огромной разницы в социальном положении.

В отношениях Джейн с любимым человеком проявляется дух протеста и независимости. Измученная странной причудливой игрой, которую ведет с ней ее хозяин, Джейн первая говорит ему о своей любви, что было недопустимо в викторианском романе. Само объяснение Джейн в любви принимает характер смелой декларации о равенстве. «Или вы думаете, что я автомат, бесчувственная машина?... У меня тоже есть душа, как у вас, и такое же сердце...Я говорю с вами сейчас, презрев обычаи и условности и даже отбросив все земное...».

Эдвард Рочестер делает ей предложение, и, после трогательной и тяжелой сцены признания в любви, Джейн идет под алтарь. Но уже за порогом церкви она узнает шокирующую ее новость: мистер Рочестер уже имеет законную жену Бертю – женщину, сошедшую с ума, которую он держит взаперти в собственном замке. Джейн отказывается продолжать с Эдвардом отношения.

После ее несостоявшегося бракосочетания с Рочестером автор подробно описывает душевные переживания, психологическое состояние Джейн. Ее колебания, мучительные раздумья о своей дальнейшей жизни

даны в форме диалога разума и чувства. Приводимый ниже отрывок является одним из наиболее ярких примеров данной формы внутренней речи. Например:

“Some time in the afternoon I raised my head and...asked: “What am I to do?” Джейн было так горько осознавать, что у Рочестера есть жена. Далее во внутреннем монологе она признается себе: “But the answer my mind gave – “Leave Thornfield at once” – was so prompt, so dread, that I stopped my ears. I said I could not bear such words now. “That I am not Edward Rochester’s bride is the least part of my woe,” I alleged: “that I have wakened out of most glorious dreams, and found them all vain, is a horror I could bear and master; but that I must leave him decidedly, entirely, is intolerable. I cannot do it.”

“But, then, a voice within me averred that I could do it and foretold that I should do it. I wrestled with my own resolution: I wanted to be weak that I might avoid the awful passage of further suffering I saw laid out for me; and Conscience, turned tyrant, held Passion by the throat, told her tauntingly, she had yet but dipped her dainty foot in the slough, and swore that with that arm of iron he would thrust her down to unsounded depths of agony” [3, Ch. 27].

Джейн произносит в крике боли: “Let me be torn away, then! `I cried. `Let another help me!’

No; you shall tear yourself away, none shall help you: you shall, yourself, pluck out your right eye: yourself cut off your right hand: your heart shall be the victim; and you, the priest to transfix it” [3, Ch. 27].

В следующем отрывке речи Рочестер снова и снова признается Джейн в любви в состоянии глубокого отчаяния: “You come out at last,” he said. “Well, I have been waiting for you long, and listening: yet not one movement have I heard, nor one sob: five minutes more of that death-like hush, and I should have forced the lock like a burglar. So you shut me? – you shut yourself up and grieve alone! I would rather you had come and upbraided me with vehemence. You are passionate. I expected a scene of some kind. I was prepared for the hot rain of tears; only I wanted them to be shed on my breast, or your

handkerchief. But I err: you have not wept at all! I see a white cheek and a faded eye, but no trace of tears. I suppose, your heart has been weeping blood?”

“Well, Jane! not a word of reproach? Nothing bitter - nothing poignant? Nothing to cut a feeling or sting a passion?” Как глубоко отчаяние Рочестера. “Jane! Jane!” he said, in such an accent of bitter sadness it thrilled along every nerve I had; “you don’t love me, then?” –

“I do love you,” I said, “more than ever: but I must not show or indulge the feeling: and this is the last time I must express it” [3, Ch. 27].

Далее Джейн выражает свои глубокие чувства: “I forgave him at the moment and on the spot. There was such deep remorse in his eye, such true pity in his tone, such manly energy in his manner; and besides, there was such unchanged love in his whole look and mien - I forgave him all: yet not in words, not outwardly; only at my heart’s core” [3, Ch. 27].

И, вдруг, снова в накале страстей появляется противоборство в душе Джейн, противоборство между чувством и разумом: “I must leave him, it appears. I do not want to leave him – I cannot leave him” [3, Ch. 27].

Эмоциональность, с которой передаются переживания Джейн, достигаются различными стилистическими выразительными средствами. Прежде всего, это форма полемического диалога между разумом и чувством, фактически выражающего внутреннюю борьбу героини, причем этот внутренний диалог комментируется самой героиней. В самом диалоге голос «чувства» сливается с голосом героини, голос «разума», хотя и противостоит ее желаниям, побеждает – Джейн принимает решение покинуть замок. Весь отрывок носит встревоженный характер: этому способствует использование слов книжно-литературного характера (dread – страшный, ужасный, allege – утверждать, aver – доказывать и др.).

В романе есть мистика в готическом духе – это и явление маленькой Джейн духа ее покойного дяди, судьи Рида, и голос, жалобный зов, Рочестера, который Джейн слышит, находясь за много миль от любимого: “it was the voice of a human being – a known, loved, well-remembered voice—

that of Edward Rochester; and it spoke in pain and woe, wildly, eerily, urgently” [3, Ch. 35]. Уже потом он рассказывает Джейн, что именно в то время вслух позвал ее. Она отказывается предать свои чувства к Эдварду, и возвращается в Торнфилд в поисках замка. Однако ее встречают лишь обгоревшие руины.

Так, глубокое чувство Джейн к Рочестеру проходит через горнило страшных испытаний, но получает счастливое завершение.

Нельзя не обратить внимание еще на одну важную особенность художественной структуры романа. Автор продемонстрировала в своем произведении блестящее знание Библии, греческой мифологии, английской литературы предшествующих веков. Соотнесенность происходящего в романе с устойчивыми понятиями не только библейского, но и литературного, исторического, философского, мифологического порядка, насыщение повествования многочисленными аллюзиями создает дополнительное ощущение глубины и психологизма.

Таким образом, с самого начала и до последней строчки произведение пропитано психологизмом. Через мотивы любви, бурь, пожаров и других явлений мы вплотную подходим к проблемам жизни и смерти, нравственного долга, смысла жизни, добра и зла в оригинальной авторской постановке. «Психологизм» является основой композиции, на которой Шарлотта Бронте организует сложную систему нравственных, философских и социальных проблем.

Литература

1. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М.: Тривола. – 2000. – 248 с. [Электронный ресурс] URL: <http://universalinternetlibrary.ru/book/41297/ogl.shtml> (Дата обращения: 28.09.15).
2. Велик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология: (историко-теоретическое введение). М.: Б. и., 1998. – 240 с.

3. Bronte, Charlotte. *Jane Eyre*. Moscow: Foreign Language Publishing House, 1958. – 576 p.